

ПРОБЛЕМА НАРЦИССИЗМА В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. И. Наумова*

*Легковерный, зачем хватаешь ты призрак бегущий?
Жаждешь того, чего нет; отвернись — и любимое сгинет.
Тень, которую зришь, — отраженный лишь образ, и только.*

Овидий «Метаморфозы»

«Увы мне!» — восклицал Нарцисс, глядя в свое отражение, прежде чем смерть закрыла ему глаза. «Увы мне!» — отзывалась Эхо. Так Нарцисс умер, еще не успев родиться. Родиться как субъект высказывания в порядке Символического.

«*Helas a moi!*» — восклицал бы Нарцисс, если бы он знал французский язык.

«Увы *собственное я!*», «Увы *себя!*» — перевел бы эту фразу Лакан, если бы знал русский.

Это словосочетание звучит как призывный крик ребенка, как не артикулированное желание, как возглас разочарования в себе, обнаружение преждевременности своего рождения, признание собственной недостаточности. Бессознательное видит «увы *себя (moi)*» при встрече с зеркальной поверхностью, будучи еще не способным сказать я (*je*).

Драма Нарцисса заключается в том, что он не сумел справиться с отчуждением, возникшим при столкновении с собственным образом. «Он — это я! Понимаю. Меня обмануло обличье!» Нарцисс не смог смириться с тем, что его *собственное я* ему не принадлежит. Для него оказалось невыносимым столкнуться с собственной нехваткой, он не смог пережить собственную расщепленность. Именно не

* Наумова Екатерина Игоревна, аспирантка кафедры онтологии и теории познания факультета философии и политологии СПбГУ.

возможность соединения телесного — я и образа — себя и порождает оттенок «увы» в отчуждении. «Увы» — это раздробленное тело, которое обнаруживается за иллюзорным единством *собственного я*. «Увы» — это *Другой*, в котором я всегда нуждаюсь, потому что у него моё желание.

«Увы мне! Увы себя!» — это первый крик зарождающегося субъекта, первый шаг на пути его становления.

Из двух возможных выходов из воображаемого зеркального рабства — — смерть или идентификация — — Нарцисс выбрал Смерть, а быть может, Идентификацию со Смертью.

Какая судьба уготована Нарциссу XXI столетия медиа покажет.

Нарцисс, не способный сказать о себе

В психоаналитическом прочтении Миф о Нарциссе представляет собой поэтическое описание теории стадии зеркала, которая была представлена в статье Жака Лакана «Стадия зеркала как образующая функцию я, какой она открылась нам в психоаналитическом опыте» (1949 г.). Стадия зеркала — это первоначальная фаза развития человека на пути становления субъектом. Это период, когда человек, подобно Нарциссу, обнаруживает себя в качестве другого, столкнувшись со своим двойником в отражении зеркальной поверхности. Человек оказывается захвачен собственным образом, который является продуктом его зримых иллюзий. То, что он видит в зеркале является возвращенной формой себя, проекцией собственного тела во вне, неким оптическим каркасом его телесного я. Стадия зеркала, как ясно из названия статьи, обладает формообразующей функцией. Что это означает? Именно на стадии зеркала человек впервые встречается с собой. За счет зримого образа формируется целостное представление о собственном теле, о *собственном я*. На смену аутоэротической телесной раздробленности приходит мнимое ощущение целостности и полноты за счет идентификации со зрительным образом. Происходит собирание тела по образу и подобию самого себя. Именно такое состояние между аутоэротизмом и объектой любовью можно охарактеризовать как нарциссизм. Лакан разводит понятия собственное я (moi) и я (je). На стадии зеркала формируется собственное я (moi) как образ себя, который относится к регистру Во-

ображаемого и вводит пространственную идентификацию, которая задает отношения между образом себя (moi) и окружающим миром. В то время как я (je) относится к регистру Символического и связано с языком и способностью определить свое место в мире других, произнеся: это — я. Иными словами, я (je) это способность сказать о себе (moi). Я (je) — это субъект помещенный в символическую структуру, где властвует Закон Другого, языка, культуры, порядка. Я (je) помещено в место, которое и является купелью первого означающего, откуда и запускается бесконечное скольжение означающих, таящих истину желания, откуда берет начало история становления субъекта.

Нарцисс имеет дело с *собственным я*, он пленник зазеркалья, он обитает во Вселенной Воображаемого, он человек без места, без желания, без слова. Его место занял другой по ту сторону зеркала, призрак, идеал — я, который есть ничто иное как результат первичной идентификации стадии зеркала. Идеал — я — это инстанция, возникающая при прохождении первичного нарциссизма и которая будет являться образцом всех последующих вторичных идентификаций. Нарцисс же идентифицировался с идеалом собственного я, тем самым впал в воображаемые отношения с собственным образом, исключив окружающих из своего поля зрения, что обрекло себя на полное отсутствие объектной любви:

... — До чего не дано мне касаться,
Стану хотя б созерцать, свой пыл несчастный питаю!¹

Ведь именно замкнутость либидо на себя и характеризует состояние нарциссизма свойственное аутоэротической стадии развития. Нарцисс представляет из себя утилитическое существо, лишённое связи с окружающим миром, которого переполняет избыточное наслаждение, блуждающее по телу, в итоге нашедшее выход в смертельной разрядке.

Как мы видим, эротизм Нарцисса оборачивается аутоэротизмом. Нарцисс смертельно влюблен в самого себя, при этом он предельно агрессивен к другому в себе. Агрессивность непосредственно связана с феноменом отчуждения: я вижу в отражении не себя, а друго-

¹Публий Овидий Назон. Метаморфозы., кн. 3., 475с.,М., 1983.

го. Другой обладает полнотой бытия, другой наслаждается вместо меня, другой самодостаточен. Возможность подавить агрессивность и вступить в отношения с другим осуществляется через проекцию идеал — я на Другого, который окажется носителем идеала, тем самым, сделав его недостижимым. Именно другой спасает от смертельной близости к идеалу-я, задает нехватку и конституирует желание. С этих пор я сам себе не принадлежу, я нуждаюсь в Другом, Другой носитель моего желания. Теперь не я смотрю на себя из зеркала, а Другой смотрит на меня, и становится важным не то, как я выгляжу, а как я выгляжу в глазах Другого. Я имею глаза, но не вижу, потому что мой взгляд на стороне Другого, мой взгляд всегда возвращенный. Взгляд — это точка, из которой на меня смотрят.

А что если на меня смотрят с экрана? Или я сам смотрю с экрана на себя? А может, я смотрю на себя, других и окружающий мир через экран? Но что *я* так и не может увидеть?

Смотрит и показывает медиа

Я не может увидеть объект *а*. Это точка, слепое пятно, которое появляется под маской пустоты. Эта точка избегает меня, поскольку именно отсюда экран (медиа) возвращает взгляд, смотрит на меня, то есть в точке объекта *а* взгляд оказывается вписан в визуальное поле реальности.

Итак, медиа — это точка зрения. Точка зрения возвращенного взгляда, который конституирует тебя извне.

Медиа — это протез человека, его продолжение в мире. Протез, который принадлежит и не принадлежит субъекту, является родным и инородным одновременно. Выполняя функцию протеза, медиа находится на границе внешнее/внутреннее, устанавливает и нарушает эти границы. *Медиа смотрит на тебя изнутри и показывает снаружи.*

Медиа — это часть психического пространства, Вселенная Воображаемого, которая искушает. Медийное пространство работает как отзеркаливающая поверхность, которая позволяет увидеть себя, но увидеть в отражении, потому что человек осознает себя иным, чем он есть. Медийная среда предельно нарциссична, она разворачивает

поле бесконечных идентификаций, где субъект оказывается захвачен образами (идеалами-я), образами себя в качестве других. Медиа — это фабрика по производству воображаемых двойников.

Медиа — это нарциссическая ловушка, приманкой в которой служит неуловимый объект *a*. Экран во всех его проявлениях представляет собой агрессивную машину уничтожения желания, которое всегда желание Другого. Вменяя субъекту желание, приказывая наслаждаться по средством собственного тела, экран уничтожает измерение Другого, ликвидирует нехватку, и приводит человека к нарциссическому самопоклонению. Так проявляется наркотический эффект в медийном пространстве. Медиа — это шприц для инъекций наркоза в тело Нарцисса.

Именно поэтому, XX и XXI века — это Эра управляемого нарциссизма, управляемого по средством медиа, системы потребления, рекламной идеологии и моды. Современный человек живет в «ауто-эротической Стране Нежности», где каждый в ответе за собственное тело и должен выгодно им распоряжаться. Сейчас не образ конституирует и собирает тело, а тело кроится и изменяется в соответствии с экранным образом. Человек выступает как дизайнер собственного тела, изменяя себя сообразно схеме престижа и потребления. Нарцисс XXI века — это жертва пластической хирургии, одержимый изменением собственного тела. Подсевший на скальпель, Нарцисс сделал свое тело местом публичных дискуссий. В бесконечной игре с образами тела он превратился в практикующего транссексуала, который не следует обычному стремлению обладать определенной идентичностью. Ведь хирургия выступает как способ приблизить внутренний образ к внешнему, вследствие этого не возникает потребности идентифицироваться с образом, данным извне:

Все, чего жажду, — со мной. От богатства я стал нищим.

О, если только бы мог я с собственным телом расстаться!²

Постсовременный субъект не приемлет власть институций, власть общества над моделированием идентичности, он верит в возможность самосоздания, в возможность игры со своей сексуальной

²Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*, 465с., М., 1983.

идентичностью, в возможность превратить себя в произведение искусства. Нарцисс XXI века не верит в Большого Другого. Иными словами, современный человек больше не верит в веру других. Большой Другой — это фикция, маскарад государственных, религиозных и семейных ритуалов. Большой Другой сегодня — это слова, которым не верят, символический вымысел. Общество, лишенное закона, авторитета, отца, исключенное из символического порядка, либо впадает в Реальное, либо функционирует в Воображаемом регистре. Очевидно, что Апокалипсис уже настал, просто мы еще в это не верим:

Даже и после — уже в обиталище принят Аида —
В воды он Стикса смотрел на себя.³

Большой Другой не существует

Что послужило источником не-до-верия (= недостаточная вера) к Большому Другому? Почему постсовременный субъект утратил способность пользоваться Именем Отца? Кто придал огласке тот факт, что отец кастрирован, что сам он пустой, бессильный субъект? Откуда поступила информация, что Большой Другой «предал» человека?

Большого Другого не существует в том смысле, в котором он существовал раньше в глазах субъекта. Главная проблема современности — это размывание символической решетки, которое приводит к всеобщему психозу и перверсии. Разрушение патриархальной системы, социальных авторитетов дает возможность каждому сформировать свою собственную идентичность, не подчиняясь навязываемым нормативам и идеалам. В современном обществе Большой Другой по-прежнему облечен властью, поскольку социализация обычно происходит за счет подчинения символическому закону, полномочным представителем которого выступает родительский авторитет. В нынешнем, постсовременном, обществе произошли радикальные перемены в организации семьи, что привело к *новому отношению субъекта к символическому порядку*. В этой связи наше общество в некоторых своих проявлениях приближается к досовременной форме организации. Сомнения по поводу своей идентичности у досовре-

³Там же. 505с.

менного субъекта устраняются иницирующим жестом, подтверждающим идентичность порезом (меткой) на теле. Это своеобразный ответ Большого Другого на вопрос субъекта: кто я? Идентичность же современного человека не записывается на теле, поскольку достаточно того, что *я* претерпело символическую кастрацию. Тогда как объяснить повсеместное распространение искусства татуировки, пирсинга, боди — арта, возвращение ритуала клитородуктомии в постсовременную эпоху? Что это, как не реакция субъекта на отсутствие Большого Другого? Можно ли сказать, что субъект взял ритуал инициации под свой собственный контроль? Что это за терапия, которую субъект сам себе прописал, при чем прописал на собственном теле?

Для постсовременного субъекта кастрация оказалась недостаточно эффективной, поэтому он находится в постоянном поиске того закона, который способствовал бы завершению кастрации. Следовательно, перверсия, широко распространенная в наше время, находится не по ту сторону Закона, но являет собой попытку Закона обрести. Это говорит о том, что субъект все же отмечен символическим запретом, но не может более идентифицироваться с авторитетами, которые якобы санкционируют собой эти запреты. Очевидно, что символическая структура сегодня все больше и больше заменяется воображаемыми подобиями (симулякрами), с которыми субъект идентифицируется. Медиа пространство создает воображаемую игру, в которой человек может распоряжаться своей идентичностью, подчиняясь модным ритуалам, потеряв пол, национальность, веру в Бога. Жизнь становится экраном, на котором все изменяемо. Человек становится широкоформатным жидкокристаллическим монитором, с максимальным разрешением идентификаций, обладающим клавишей автоматической настройки изображений, оснащенный выходом в Интернет, человек-монитор способен украсить любой интерьер. В век экранных технологий ребенок рождается в купель медиа. Так как купель языка, символической структуры, Большого Другого не существует.

Нарцисса XXI века ищет Реальное. Реальную вещь. Порез, татуировка — это попытка отыскать частицу Реального по ту сторону кожи, это инсценировка кастрации на поверхности собственного тела. Подобный симуляционный акт заключает в себе отрицание

символической функции кастрации и превращение ее в знак. Порез выступает как демаркационная черта, задающая отношение между означаемым и означающим, в качестве которых выступают различные части тела. Таким образом, тело, которое я желаю, оказывается моим собственным, так как та или иная его часть возводится в ранг фаллического означающего. Иными словами, субъект дублирует свое тело фаллической меткой. Как и при зеркальном самозамыкании субъект соблазняет сам себя. Точнее будет сказать, что он соблазняет свое желание, запирает его в теле, удвоенном знаками. Такой ход помогает человеку избежать желания другого, то есть скрыться от собственной нехватки и пребывать в нарциссическом самолюбовании, при этом видеть только себя и оставаться невидимым для других. Так логика знака смыкается с логикой перверсии. В досовременном и современном обществе закон Отца носил репрессивный, запрещающий характер и распространялся на генитальную сексуальность (запрет на инцест), тем самым являлся условием символического обмена. В наше время господствует материнский закон Каприза. Постсовременный перверсивный субъект — это живой фаллос матери, ее нарциссический фетиш, который воображая, что исполняет свое желание, на самом деле исполняет желание матери. Таким образом, XXI век переживается в ситуации инцеста, когда субъект всецело определяется самоидентификацией с фаллосом матери, превращаясь в заводную игрушку материнского желания.